



Буало – Нарсежак

«TERRA» – «TERRA»



БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ



Буало – Нарсежак



СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том первый



ВОРОЖБА
роман

БЕЛАЯ ГОРЯЧКА
В ОЧАРОВАННОМ ЛЕСУ
повести

ПЕС
рассказ



ТЕРРА – TERRA • ОРЛОВ И СЫН

Москва

1996

ББК 84.4Фр
Б90

Составитель
Вал. Орлов

Буало-Нарсежак

Б90 Сочинения: В 4 т. Т. 1: Ворожба: Роман; Белая горячка; В очарованном лесу: Повести; Пес: Рассказ / Пер. с фр.; Сост. Вал. Орлов. — М.: ТЕРРА; Орлов и сын, 1996. — 336 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00558-4 (т. 1)

ISBN 5-300-00557-6

В первый том Сочинений всемирно известных мастеров психологического детектива в жанре «саспенс», французских соавторов Пьера Буало и Тома Нарсежака, писавших под двойной фамилией Буало-Нарсежак, включен роман «Ворожба», две повести и рассказ, а также — в качестве предисловия — взаимное представление соавторов.

Б 4703010000-336 Подписное
А30(03)-96

ББК 84.4Фр

ISBN 5-300-00558-4 (т. 1)
ISBN 5-300-00557-6

© Издательский центр «ТЕРРА»,
издательство «Орлов и сын», 1996

Вместо предисловия:

Пьер Буало о Тома Нарсежаке...

О существовании Нарсежака я узнал в 1947 году. Проходя мимо витрины книжного магазина, я случайно обратил внимание на книгу под названием «Эстетика детективного романа». Автор — Тома Нарсежак. Помню, первой моей мыслью было: «Да что какой-то Нарсежак может понимать в детективах?!»

Книгу я купил и... не смог от нее оторваться! Автор рассматривал вопросы, над которыми давно бился я сам, предлагал решения, которые невозможно было оспорить, и давал определения, показавшиеся мне идеальными. А обнаружив в книге собственную фамилию и хвалебные замечания в свой адрес, я окончательно перестал сомневаться в том, что этот Тома Нарсежак — выдающийся специалист.

Я написал ему — поблагодарил за лестные слова и упомянул о том, как мне понравилось его эссе. И вот началась наша длительная переписка (она продолжается и поныне, хотя тон наших писем, конечно, изменился): мы вместе старались найти лекарство от недуга, поразившего, по нашему мнению, литературный жанр, который уже в то время если и избегал обычной для детективов склеротической заторможенности, то незамедлительно впадал в эпилептический ритм «черного» романа.

А познакомились мы друг с другом только в июне 1948 года на банкете, устроенном в честь присуждения Гран-При Приключенческого романа. Нарсежак был в числе лауреатов. Помню, едва дождавшись окончания банкета, мы простились с нашим общим другом Альбером Пигасом и поспешили уединиться на террасе соседнего кафе, где за стаканом лечебной минеральной воды наконец-то продолжили — на сей раз в устной беседе! — обсуждение столь милых нашему сердцу проблем.

Тогда-то Нарсежак и сказал мне:

— Обмен мнениями — вещь хорошая, однако не кажется ли вам

(мы, естественно, говорили друг другу «вы»), что куда полезнее будет применить наши теории на практике?

— То есть?

— То есть написать роман, который захотелось бы прочитать нам самим.

Все без исключения наши собраты по перу, услышав о подобных намерениях, предупреждали об одном и том же: «Не делайте глупостей! Сейчас отношения у вас замечательные, но не пройдет и полугода, как вы рассоритесь на веки вечные!»

Скоро будет двадцать лет, как мы пишем вместе*. И почти ни единой размолвки! Конечно, это совершенно не означает, что мы согласны всегда и во всем относительно работы — напротив, мы только и делаем, что сражаемся и спорим! Но это постоянное «противоборство» и есть смысл существования союза. А будь у нас одинаковое мировосприятие, Нарсежак легко мог бы заменить Буало и наоборот — и тогда зачем же работать вместе?

Впоследствии я часто говорил себе, что именно по причине абсолютного несовпадения нашего происхождения, вкусов, эмоционального склада и образа мыслей Нарсежак, с самого начала обративший внимание на эти различия, и сделал мне такое предложение. Идея была оригинальна и одновременно исключительно проста: создать новую тональность за счет объединения двух совершенно противоположных по тембру музыкальных инструментов.

На самом деле Нарсежак должен был стать «обычным» романистом, и только случай — вернее, некоторая доля случайности — навела его на мысль о детективном жанре. Как-то в отпуске он сильно скукался, книг под рукой не оказалось, и он стал развлекаться, сочиняя удачные подражания Морису Леблану, Конан Дойлу, Честертону, Агате Кристи — а вирус уже наверняка был у Нарсежака в крови!

Я предлагаю ему интригу. Он проверяет ее на прочность: придумывает каждому персонажу характер, а затем выясняет, правдоподобны ли будут его поступки, предусмотренные моим первоначальным замыслом. Результат, конечно, никогда не бывает удачным на все сто процентов: один эпизод получается сразу, другой клеится с трудом, а кое-что в сюжете Нарсежак решительно отвергает: «Таких характеров не бывает!» или «Ситуация чересчур неправдоподобная. Не пойдет». И начинается бой. Нарсежака, в сущности, занимают исключительно сами люди — счастливые и несчастные, жестокие и страдающие герои

*В действительности это литературное содружество продолжалось сорок лет — до смерти Пьера Буало в 1989 году. (Прим. ред.)

наших историй. А мне интереснее всего придумывать необычные, таинственные и волнующие повороты сюжета. И вот каждый принимается за свой лакомый кусочек. Естественно, иногда приходится и идти на взаимные уступки — иначе ведь ни за что не договориться! Все дело в том, кто лучше сумеет защитить свою «территорию». В конце концов мы заключаем мирный договор: он позволяет такому-то персонажу совершить при определенных обстоятельствах поступок, не вполне соответствующий его природному нраву, а я не без сожаления отказываюсь от эффектного эпизода. Все это сопровождается сердитыми монологами, возгласами протеста и упреками в отсутствии гибкости и желания пойти навстречу соавтору. И, что особенно забавно, затем, закончив роман, мы одинаково радуемся взаимным жертвоприношениям, обогатившим в результате наш общий замысел! Между прочим, это обстоятельство наглядно подтверждает тот факт, что мы всего-навсего подчиняемся логике сюжета.

Однако бывает, что согласия достичь не удастся: либо придется пожертвовать фабулой, либо поменять героев. В таком случае мы с обоюдного согласия вообще отказываемся от романа. К счастью, это случается редко — Нарсежаку почти всегда удается «очеловечить» (а суть дела именно в этом) самые невероятные и, даже скажу, бредовые коллизии. Он умеет изящно объяснить и воскресение из мертвых, и немислимое присутствие героев в нескольких местах одновременно, превратить «ведьму» или «привидение» в самых обыкновенных людей, которых мы с вами можем повстречать в метро.

У меня удивительный соавтор! Иногда я задаю себе вопрос: как, имея высшее философское образование (я еще не упомянул, что он профессор?), Нарсежак «докатился» до сочинения уголовных историй? Думаю, он этим занимается, чтобы не возникало соблазна принимать собственную персону слишком всерьез.

...и Тома Нарсежак о Пьере Буало

Второе «я»? Вовсе нет! Неповторима любая индивидуальность: люди — не подобные треугольники, свой угол зрения есть у каждого. Мы с Буало не похожи друг на друга: у нас разные вкусы, характеры и род занятий, но зато одинаковые литературные интересы, и единение мы обретаем в творчестве.

Почему же роман, напрасно именуемый «детективным», роман, который наш общий друг Пьер Вери более точно обозначил как «рассказ-головоломку», так притягивает нас обоих? Разобраться, в чем тут дело, было бы весьма занятно. Однако куда важнее знать другое: для того чтобы читателю открылось все мрачное очарование романа-головоломки, необходимо уметь совершенно особым образом рассчитывать повороты сюжета, а затем четко и красиво воплощать замысел на бумаге. Овладеть этим мастерством непросто. Мы с Буало кое-чего достигли, работая вместе в самом эзотерическом из всех литературных жанров. История нашей дружбы в этом смысле сливается с историей наших поисков и с трудом поддается пересказу.

Кто такой Буало? Не уверен, смогу ли я правильно ответить. Во-первых, дружба, как и любовь, склонна не принимать в расчет прошлое. Во-вторых, Буало родился в Париже, а Париж не похож на другие города: это целая страна со своим, непонятным для постороннего фольклором!

Но все же кое-какие зацепки есть. Например, Буало в детстве (раньше, чем это сделал я) открыл для себя книги о Шерлоке Холмсе, Рультабийле и Арсене Люпене — это было важнейшее событие в его жизни. Существуют на свете книги, которые, выйдя в свет, несут своим первым читателям некий избыток смысла. Сомневаюсь, чтобы теперешние дети, если они вообще читают про Люпена, испытывали такое же потрясение, как мы. Буало был поражен. Тогда же состоялось

и еще одно, пожалуй, более волнующее событие: на экранах появились первые фильмы ужасов. Буало смотрел в кино «Фантомаса», «Улыбающуюся Маску», «Жюдекс». Ему было лет десять — возраст, когда приходит призвание, — и начиная с этого времени биография и подлинная жизнь Буало идут врозь. Меня интересует только история его жизни. Он поклялся себе тоже стать сочинителем удивительных историй — и сдержал обещание. Зарабатывая на жизнь самыми разнообразными и причудливыми способами, он пишет рассказы и сказки в серии «Чтение для всех» и «Рик и Рак», а затем переходит и к романам. Удачной оказалась третья попытка: в 1938 году за «Отдых Вакха» Буало получает Гран-При Приключенческого романа, в то время считавшуюся чем-то вроде Гонкуровской премии для детективов. И вот Пьер Буало уже известный писатель, один из лучших детективных авторов. Однако от удовлетворения он был далек: он ощущал некое беспокойство, желание достичь чего-то большего. Просто сочинять детективные истории — это тупиковый путь; ему приходит в голову мысль попытаться раздвинуть тесные рамки этого литературного жанра.

По счастливой случайности те же проблемы занимали тогда и мое воображение. Я, кстати, уже довольно ясно представлял себе, как преодолеть имеющиеся трудности, но в одиночку ни Буало, ни я справиться бы с ними не сумели. Вдвоем же работать оказалось легче — диалог, начатый в 1948 году, длится и по сей день.

Люди часто заблуждаются, думая, что соавторство есть механическое соединение двух творческих почерков, двух индивидуальных сочинительских концепций. Мы захотели расширить границы детектива, вдохнуть в него жизнь — ведь именно жизненности ему и не хватало! Другими словами, детективный роман должен был прежде всего превратиться в роман обыкновенный — с настоящими персонажами, настоящими драматическими ситуациями, своим ритмом и настроением и собственным, легко узнаваемым стилем.

И мы объединили усилия на всех уровнях создания книги, при этом нисколько не пренебрегая оригинальностью собственного мироощущения и образа мыслей. Так не бывает, скажете вы. Напротив! Ежедневно так сотрудничают сценарист и режиссер. Наша работа отличается только тем, что по ходу дела мы вынуждены постоянно меняться ролями.

С чего же начинает Буало? Он придумывает тему, требующую дальнейшей разработки. Благодаря особому складу ума у Буало получаются совершенно неординарные истории: его не интересует обыденная жизнь, его притягивает действительность «сверхобыденная». Но «сверхобыденное» не значит «невероятное», скорее, для Буало это болезнь навязчивых впечатлений. Например, в романе «Та, которой не

стало» погибает жена Равинеля. Герой уверен в ее «несуществовании», так как утопил ее собственными руками. И тем не менее она вдруг начинает подавать признаки жизни! Она жива — и одновременно мертва. И тут начинаются нарушения логики, которые необходимо подать как вмешательство сверхъестественных сил. Ведь нарушение логики — всего лишь свидетельство неправильного хода рассуждений, собственно же «литературность» в том, чтобы персонажи книги вдруг почувствовали, как в их привычный мирок вторгается нечто потустороннее. Однако здравая логика все-таки обязана восторжествовать. Важно, чтобы она не торжествовала слишком рано, чтобы сюжетная подоплека не становилась слишком очевидной, а персонажи — слишком схематичными. Идея книги — уже объяснение, и следует о ней забыть, чтобы нащупать заключенные в сюжете зародыши подлинных драматических ситуаций. И мы с Буало вместе проходим длинный путь к постижению частичек той человеческой сущности, которая кроется за каждой уликой. Существуют ли камни преткновения? Конечно! Но на свете нет ничего более увлекательного и плодотворного, чем такая исследовательская работа, ибо с каждым днем мы все яснее представляем себе законы, по которым пишется любое литературное произведение, будь то мелодрама или детектив. Так и приобретается Мастерство.

Теперь читатель, возможно, имеет некоторое понятие о духе нашего совместного творчества. Я многое хотел бы рассказать и о Буало, моем друге, хотел бы описать его ровный характер, живость ума, озорную игру мысли. Но мы не очень-то склонны расточать друг другу комплименты: ведь нам пока далеко до возраста, когда, уже предвидя грядущее бесплодие, писатель находит себе утешение в льстивых речах. У нас еще есть чем заняться. И все же отмечу в характере Буало одну черту: ни один из моих друзей и знакомых не относится к делу своей жизни так серьезно. Обычно чтение приключенческих романов считается легкомысленным времяпрепровождением, и принято даже хвастаться с тем, что «разделался» с очередной вещью. Буало отдает работе все силы. Он забывает надеть шляпу, оставляет дома ключи, умудряется где-то посеять кошелек, но при этом выискивает и безжалостно изгоняет из текста самое ничтожное нарушение логики или недостоверную деталь — одним словом, «закрывает все щели» случайности. Общаясь с Буало, я сделался трудолюбивым человеком.

Развлекать других — сложнейшая задача. Профессиональная честь требует исключительной точности расчета! Буало работает не ради денег и не ради славы. Ему просто хочется полностью реализовать себя.

ПЕС

рассказ



Le chien

1962

Перевод Св. Петровой

Сесиль дошла до такого состояния, когда тоска превращается в усталость. Причина страданий забыта, и хочется одного: сесть, прилечь, уснуть... уснуть! Она даже не помнила, где оставила свою машину, «Рено-2СВ», и некоторое время походила на человека, который проснулся в незнакомой обстановке и пытается осознать, кто он, собрать свои воспоминания. Но вскоре память вернулась, и она вдруг решила: всё, что с ней происходит, возможно, не так уж серьезно. Конечно, в жизни любой молодой семьи быстро наступает время, когда супруги прозревают и видят друг друга такими, какие они есть. И что же, это конец любви? Или начало другой любви, которая учит смирению и самопожертвованию? Останется ли Морис тем чужим для нее человеком, которого она обнаружила в нем совсем недавно? Все произошло мгновенно, как будто незнакомый Морис подменил прежнего, которого она так любила. С виду как будто тот же человек, и все же ей стыдно принадлежать ему. Прежде всего потому, что он неряха. Что за дурацкая манера держать кисточку в зубах, когда рисуешь? И напевать идиотские мотивчики. А его рисунки! Человечки вроде тех, что рисуют на стенах дети: круг вместо головы, четыре-пять вертикальных черточек вместо волос и туловище в виде прямой линии. Он именовал это убожество идеограммами и заявлял, что реклама, чтобы привлечь внимание, должна шокировать. У него наготове объяснения всему, и он всегда оказывается прав; а его мастерская увешана гнусностями, восхваляющими мыло, карандаши и аперитивы. Последняя находка: нечто вроде резервуара, наполненного красной жидкостью, и стилизованный человечек

со шлангом в руке. В резервуаре — странное существо в фуражке с надписью: «Банк крови». Под человечком — надпись: «Накачайте-ка мне 10 литров!» И этакое он собирается продавать! Впервые она разозлилась, и вдруг всплыли все обиды, всё накопившееся недовольство... Ее наследство, за два года пущенное по ветру, долги у всех окрестных лавочников; бессмысленное, без будущего, существование... И пелена спала с глаз: она вдруг увидела Мориса не глазами любящей женщины, а глазами, к примеру, врача или полицейского. И прочла у него на лице бешенство упорствующего неудачника, желание напасть и страх загнанного зверя... Как теперь возвращаться: ведь она тотчас разрыдается при виде человека, сбросившего маску. Как ни притворяйся, а всё, что с ней происходит, ужасно. Будь Морис болен, она охотно пошла бы работать. Материальные трудности — не самое страшное. Но у нее нет даже этой возможности. Морис не позволит ей искать работу. В его семье женщины всегда сидели дома. Да, но ведь они были богаты!

Сесиль достала из сумочки ключи от машины. Еще один повод для ссоры. Машина куплена благодаря дяде Жюльену, одолжившему им четыреста тысяч франков. Его удалось убедить, что Морис не может носить свои картины под мышкой. Да, она вышла замуж за мошенника: вот она, правда. Племянник дяди Жюльена — мошенник, живущий фальшивой жизнью и разыгрывающий комедию, чтобы обмануть себя и других. Нет, так больше продолжаться не может. Сесиль захлопнула дверцу и вырулила с места парковки. Никогда больше она не сядет в эту машину, которая им не принадлежит. Будет ходить пешком. Привыкнет обходиться малым. И никогда не запросит пощады. Сирота и разведенная, почему бы и нет?

Сесиль вспомнила, что забыла купить хлеба и продуктов. Ну и пусть! Морис сам о себе позаботится. Надоело быть его служанкой. Она свернула в маленькую улочку на краю Венсеннского леса, где они жили, и сразу затормозила. Впереди, перед домом, стояла большая зеленая машина — то ли «бьюик», то ли «понтяк». Она интуитивно догадалась, еще до того как увидела номер департамента, 85, номер Вандеи: дядя! И тотчас сделала вывод: он приехал за деньгами. Это судьба! Сколько бы Морис ни твердил, что дядя Жюльен — лучший из людей, она всегда знала, что в один прекрасный день он

потребуется вернуть долг. Нужно быть Морисом, чтобы отрицать очевидное. Придется продать машину. Скверно! Останется найти еще сто тысяч франков с лишком. Что этот человек подумает о ней? Наверняка Морис скажет ему: «Это всё моя жена! Она никогда не умела вести хозяйство!»

Зеленая машина тронулась с места. Сесиль чуть было не прибавила газу. Догнать дядю, познакомиться, всё ему объяснить... Но машина с дядей уже умчалась, и Сесиль затормозила у тротуара. Она не спешила подниматься. Ради чего? Чтобы подмести окурки, приготовить еду и услышать восторженные восклицания Мориса: «На этот раз дело в шляпе!» Как хорошо бы ей жилось одной! Она заперла машину, так как привыкла к порядку, и стала подниматься по лестнице. И в доме она словно в первый раз. Какие-то запахи, которых она раньше никогда не замечала. У нее было мерзко на душе, она чувствовала себя потерянной, как человек, вдруг утративший веру.

Морис что-то напевал. Услышав, как захлопнулась дверь, он закричал:

— Сесиль? Это ты?

Он выбежал в прихожую. В левой руке у него были галстуки, в правой — пара сапог.

— Мы уезжаем, малыш... Уезжаем... Да что это с тобой?

— Это твой дядя приезжал?

— Да.

— За деньгами?

— Какими деньгами? Ах, да... Это всё уже неважно. Это в прошлом. Пошли, я тебе всё расскажу.

Он легонько подтолкнул ее к комнате, служившей ему мастерской и заваленной рекламными рисунками. На мольберте сушился новый эскиз, его утреннее творение. На нем было изображено что-то напоминающее бутылку, но то была церковь. «Край шартрёза и... Господа Бога. Посетите Шартр». Морис засмеялся.

— Жюльен нашел все это просто потрясающим. А уж он-то в этом смыслит... Ну вот. Ему необходимо уехать. Он ничего не объяснил, он этого не любит. Сказал только, что нуждается в нашей помощи — некому сторожить его замок... погоди, дай мне договорить... да, знаю, его старые слуги, Агерезы... Но в том-то и дело, что они ушли от него. Ты знаешь, сколько лет Агерезу? Семьдесят четыре. Да и ей что-то около этого. Они

уже давно хотели вернуться в свою Испанию. И уехали. Жюльену некогда было искать кого-то, вот он и подумал о нас.

Никогда еще Сесиль не видела его таким возбужденным. «Как ребенок», — подумала она.

— Он дает нам хоть немного времени?

Морис бросил галстуки в уже собранный чемодан.

— Нет, это невозможно! Я тебе уже рассказывал: у него есть собака, которой он очень дорожит. Но он не может взять ее с собой. И несчастный пес просто сдохнет от голода, если мы не поедem его кормить. А лопает он будь здоров! Еще бы, немецкая овчарка! Тебе нравятся овчарки, а?.. Сесиль, ты чем-то недовольна?

— Не знаю, — сказала Сесиль... — Если бы еще мы не были ему должны...

Морис опустился рядом с ней на колени, обнял ее.

— Все улажено, малыш, все улажено. Жюльен прощает нам долг при условии, что мы немедленно выедем. Это очень важно. Пойми, нельзя оставлять без присмотра такой замок со всем барахлом, которым он напичкан. Там одной мебели на десятки миллионов. Кроме того, это замок его жены. Если бы он принадлежал ему, он, как мне кажется, наплевал бы на всё, но семья графини, то есть моей тетушки, устроит скандал, если пропадет хотя бы одна вилка.

Сесиль смотрела на обращенное к ней лицо: гладкий лоб, на котором никаким заботам не оставить след, ласковые блестящие глаза, где отражаются две задумчивые Сесили. Она отгородилась от них ладонями и помимо своей воли наклонилась и нежно прошептала:

— Хорошо... Едем.

Морис развернул кипучую деятельность. Вещи, обувь, белье жены — «Оставь, оставь, это мужское дело!» — он укладывал в чемоданы, которые тут же с трудом закрывал, продолжая давать объяснения:

— До замка пятьсот километров. Мы будем там к вечеру. Учти, местности я не знаю... Это где-то недалеко от Леже, глухомань в краю шуанов. Жюльен там так и не прижился... Передай, пожалуйста, пуловеры... Графиня не осмелилась даже сыграть свадьбу в родном краю. Их забросали бы камнями. Еще бы! Представительница рода Форланжей, знатнейшего рода, ведущего происхождение, быть может, со времен крестовых походов... и Жюльен — представляешь... Сделай-ка бу-

терброды... Что ты на меня так смотришь?.. Ладно, оставь. Жюльен дал мне десять тысяч франков на дорогу. Если проголодаемся, поужинаем в пути.

Они выехали. Морис говорил без умолку, нервно смеялся, и Сесиль подумала, не выпил ли он с дядей Жюльеном. Раньше у Мориса не было обыкновения повторять истории, которые она знала наизусть: романтическая встреча Мадлен де Форланж с Жюльеном Меденаком, безумная страсть графини, ее разрыв с семьей и смерть через семь лет на Канарских островах от перитонита... Она знала всё это. Дядя Жюльен остался для Мориса богом. Похоже, ее муж во всем старается подражать дяде. Бедняга Морис! Куда ему до этого Жюльена, ради которого женщина пожертвовала всем.

— Он очень любил свою жену? — спросила она.

Морис удивленно посмотрел на нее.

— Кто?

— Твой дядя.

— Ну и вопросы ты задаешь! Конечно, он ее очень любил. Раз такой человек, как он, заживо хоронит себя в этом вандейском замке, значит, это серьезно, разве не так?

— Но он продолжал путешествовать?

— Конечно. Когда одиночество начинало его тяготить, он уезжал. И правильно делал. Подумай только, ведь единственным его обществом была прислуга!

— А что бы ты сделал на его месте?

— Глупышка... На его месте...

Морис некоторое время смотрел на дорогу, потом пожал плечами.

— Хотел бы я быть на его месте.

Он тут же спохватился.

— Хотя нет, неправда. По существу, он никогда не был счастлив... Сегодня утром он мне показался очень странным... у него был вид человека, которому изрядно надоело такое бесцельное существование. Он здорово постарел, сильно похудел. Это, конечно, отъезд Агерезов так на него подействовал.

— Пусть все продаст и обоснуется в Каннах или Италии. Там, по крайней мере, он сможет разговаривать с людьми.

— Что продаст? Я ведь тебе уже объяснял: ему ничего не принадлежит. Он получает доход от поместья, что уже не плохо. Но замок останется собственностью Форланжей. Что в общем-то естественно, разве не так?

— Да, конечно.

— Он и подсвечника не имеет права продать.

— Если его долго не будет, нам придется там поселиться? — спросила Сесиль.

— Вряд ли. Он совершит небольшое путешествие и через две-три недели вернется. Он так привык, ведь он уже не очень молод.

Морис помолчал немного; Сесиль задумалась. Три недели! А что дальше?.. Ее понемногу укачивало. Она попыталась возобновить разговор.

— Если бы не эта собака, он бы нас не пригласил.

— Как тебе не стыдно? — возразил Морис. — Жюльен — отличный мужик. Не будешь же ты его упрекать в том, что он привязан к животному.

Сесиль не слушала его. Она отдалась той невероятной усталости, которая, может, навсегда поселилась в ней. Не-любовь, подумала она... Не-любовь... Откуда взялось это странное слово? Она уснула.

Проснувшись она от того, что потянуло прохладой. Морис вышел из машины и в свете фар рассматривал карту. Сесиль выпрямилась, охнула. Она так скрючилась на сиденье, что всё затекло. Выходя из машины, она чуть не упала.

— Ну, наконец-то, — сказал Морис, — а то я уж засомневался, проснешься ли ты. Знаешь, мы уже почти приехали... Уже двадцать минут я кружу около Леже и никак не могу найти дорогу. Это должно быть где-то здесь.

Он сложил карту. Вдали на фоне неба вырисовывался силуэт колокольни, а тишина была такая, что шаги на каменистой дороге звучали гулко, как под сводом. Сесиль замерзла, и, если бы не Морис рядом, ей было бы страшно. Она всю жизнь жила в городе и любила его ночные звуки. Здесь совсем иной мир, границы которого она пересекла во сне, и все ее привычные ориентиры вдруг оказались непригодными. Она поспешила вернуться в машину. Морис поехал по грунтовой дороге, на которой машина переваливалась с боку на бок. Временами ветки деревьев царапали стекла. В потоке покачивающегося перед машиной света мелькнул какой-то зверек.

— Что это?

— Заяц, наверное, — ответил Морис. — Здесь, должно быть, много дичи... Ты голодна?

— Нет. А ты?

— Нисколько.

Дорога поднималась в гору. Фары осветили густую листву за оградой, наверху которой поблескивали осколки стекла.

— Парк, — сказал Морис.

Ограда казалась маслянисто-черной под плющом. Дорогу усеивали мертвые листья. Сквозь листву, похожую на дым, мерцали крупные звезды. Сесиль молчала, все внутри у нее словно заледенено. А ограда все тянулась, увенчанная искорками, будто наэлектризованная. Морис, испытывавший, по всей вероятности, те же чувства, что и Сесиль, пробормотал:

— Бедный Жюльен, видно, невесело ему здесь живется!

За поворотом показались монументальные, богато украшенные ворота, которые совсем не смотрелись на фоне окружающей лесной чащи. Морис затормозил и вытащил из отделения для перчаток тяжелую, как слиток, связку ключей.

— Попробуй тут отыщи! — весело сказал он. Однако он быстро нашел нужный ключ и, налегая изо всех сил, открыл железные ворота. Машина свернула в аллею, и фары осветили вдали фасад словно вымершего замка.

— Неплохо! — отметим Морис. — Совсем неплохо... Разве что излишне симметрично... Из него вышла бы неплохая казарма... Проснись, графиня, ты прибыла в свои владения.

Он закрыл ворота и снова сел за руль. Сесиль показала на низкое строение слева.

— Что это?

— Судя по наброскам дяди, это бывшие конюшни, — пояснил Морис. — Агерезы жили в том крыле... видишь ту часть здания, переделанную во флигель... А что в других постройках, я не знаю... Всякие подсобные помещения, гаражи...

Вдруг они услышали собаку, и Сесиль вздрогнула. Собака яростно лаяла где-то в стороне замка.

— Она заперта, — сказал Морис. — Жюльен уверял, что она совсем не злая.

Собака то рычала, то сипло лаяла, то визжала пискливо и жалобно, затем вновь переходила на жуткий хриплый лай.

— Что-то мне не по себе, — сказала Сесиль. — Ты знаешь, как ее зовут?

— Да. Летун... Потому что, по словам дяди, он может перепрыгивать через препятствия высотой более двух метров...

Оставив машину у крыльца, они направились к псарне — пристройке с правой стороны замка; там хранили тачки и

шланги для полива. Пес смотрел на них из окна с пыльной рамой. От его дыхания стекла запотели, а глаза горели как у волка. Сесиль остановилась.

— Я боюсь, — прошептала она. — Смотрит как человек.

— С ума сошла. Эта славная овчарка больше тебя боится.

Собака завyla; затем они слышали ее дыхание у двери: она рыла когтями землю.

— Надо все-таки ей открыть, — сказал Морис. — Я знаю как: мы дадим ей поесть. Это ее успокоит. Подожди меня здесь... Поговори с ней... Я попробую отыскать что-нибудь съестное.

Он побежал к замку. Пес метался за дверью и часто дышал, словно мучился от жажды. Он тихо завыл, когда Сесиль взялась за щеколду. Затем почти человеческим голосом пожаловался непонятно, но так трогательно, что Сесиль больше не колебалась. Она приоткрыла дверь. Пес просунул в щель свою длинную влажную морду и облизал руку Сесиль. Воспользовавшись ее замешательством, он покрутил головой, чтобы расширить щель, и Сесиль вдруг увидела во дворе большую волчью тень, которая молча кружила вокруг нее.

— Летун!

Животное приблизилось, и вдруг лапа, твердая как палка, ударила Сесиль. Красные глаза пса были на одном уровне с глазами женщины. Она почувствовала на лице теплое дыхание и вдруг получила шлепок языком по носу, как слабую пощечину.

— Летун... Грубиян... Сидеть.

Собака послушалась, и Сесиль присела рядом с ней, поглаживая ее по голове.

— Хорошая собака, — шептала она. — Как ты меня напугал, честное слово. На ногах не стою... Почему у тебя такой грозный вид, Летун?

Пес закатывал глаза, когда пальцы Сесиль ласкали его, а покрытая короткой шерстью кожа между ушами подергивалась. Ласка была приятна псу, он поднимал свою огромную голову и жмурился.

— Твой хозяин оставил тебя, — продолжала Сесиль. — Ты тоже несчастлив... Но ты же видишь, что я люблю тебя.

Пес улегся; полный доверия, успокоенный, он внимательно прислушивался к таинственным словам Сесиль.

— Хороший пес... Хороший, Летун... Ты пойдешь гулять со мной, а? Завтра.

— Я иду, — крикнул Морис с крыльца.

Пес мгновенно вскочил и зарычал. Сесиль вцепилась обеими руками в ошейник.

— Сидеть... сидеть...

Она навалилась на пса, вынуждая его сесть, но Летун стоял как вкопанный.

— Не приближайся быстро, — крикнула она Морису. — Покажи ему еду. Он ведь тебя не знает.

— Вот это да! — воскликнул Морис. — А что, тебя он знает?

— У нас тут совсем другое дело... Поставь миску... Вон там... Теперь отойди...

Сесиль чувствовала, как напряжены мышцы пса под всповетшей шкурой, с каким трудом он сдерживает свой звериный порыв. Она осторожно, раздвинув пальцы, стала причесывать впалые бока, жесткую спину и вздымающуюся от волнения грудь.

— Иди туда, туда... Летун сейчас поест... Он голоден.

— Чего только не приходится выслушивать, — сказал Морис.

— Пошли! Пусть жрет. Идем спать.

— Замолчи.

— Пожалуйста, я замолчу, если ты этого так хочешь. Какие мы жеманные!

— Он тебя не любит.

— А тебя он любит! Совсем спятила, бедняга. Ну ладно, спокойной ночи, влюбленные... Я иду баиньки. Зверски устал.

Он закурил, выдохнул дым в сторону собаки и ушел.

— Вот видишь, какой он, — прошептала Сесиль. — Сразу рассердился... теперь будет дуться два дня. Ешь, Летун.

Сидя на корточках, она смотрела, как овчарка пожирает ужин. Спать ей больше не хотелось. Рядом с псом страх прошел. Свет, лившийся из открытой двери замка, устилал лестницу до самого низа, словно ковер. Одно за другим зажигались окна; это Морис знакомился с домом. Сесили не хотелось двигаться с места. Время от времени пес бросал на нее быстрый взгляд и, убедившись, что Сесиль на месте, возвращался к миске. Покончив с едой, он зевнул и стал обнюхивать руки Сесили.

— У меня больше ничего нет, — сказала Сесиль. — Завтра я приготовлю тебе что-нибудь вкусенькое — вот увидишь, специально для тебя.

Она встала и вошла в пристройку. Пес двинулся за ней.

— Спи хорошенько, Летунчик.

Сесиль присела на коленку и прижалась щекой к шее пса. Непонятно почему, она была взволнована. У нее было чувство, что она нужна собаке.

— Будь умницей... Понял? Чтоб мы тебя не слышали.

Сесиль закрыла дверь. И тут же увидела пса — он стоял за стеклом и царапал его лапой. Она помахала ему, как человеку. Нет, она уже не жалеет о том, что поехала с Морисом.

Замок предстал перед Сесиль освещенным и молчаливым, огромным, таинственным и торжественным. Смущенная, Сесиль шла медленно, как в музее, всякий раз прижимая руки к сердцу при виде своего отражения в очередном зеркале в отдалении. Она проходила через гостиные с богато расписанными потолками и роскошными люстрами. Старый паркет поскрипывал перед ней, как будто невидимый хозяин шел впереди из комнаты в комнату, поджидая ее за двустворчатыми дверями, чтобы показать ей новые богатства, от которых у нее, ослепленной виденным, оставались лишь смутные воспоминания. Нет, никогда бы она не смогла жить здесь. Она начинала понимать, почему дядя Жюльен так часто уезжал. Здесь прошлое торжествует над жизнью. Слишком много портретов, бесценной мебели, истории. Немыслимо представить себе, что здесь можно просто сесть и поболтать. Едва осмеливаешься пройти на цыпочках. Громадная лестница, украшенная охотничьими трофеями, оленьими головами с живыми глазами, вела вверх. На площадке второго этажа она увидела Мориса.

— Ну, решилась?

Он был уже без пиджака. В зубах дымилась длинная трубка. Жалкая пародия на художника. Сесиль вдруг остро возненавидела его.

— Могла бы и погасить за собой свет.

Сесиль не решилась сказать ему, что у нее не хватило бы на это духу. Морис показал ей их спальню в самом конце длинного коридора и спустился закрыть двери. Когда он вернулся, Сесиль стояла у окна и любовалась ночным пейзажем.

— Тебе нравится? — спросил он. — Признайся, что сюда стоило приехать. Завтра мы всё внимательно осмотрим.

— А что это там? — спросила Сесиль.

Морис подошел к окну.

— Это не пруд, — сказал он. — Это Булонь, речушка, ко-

торая протекает у подножия замка. С этой стороны — парк. Какой вид! Да, этому чертову Жюльену можно позавидовать. Но за кровать я бы его отругал. Спать на ней — всё равно что на скамейке в сквере.

Он разделся, напевая.

— Можешь гасить свет, — прошептала Сесиль.

Морис сразу же уснул. Сесиль, перед тем как лечь, заперла дверь на ключ и прислушалась. Замок, погрузившись во тьму, начал свой странный монолог, состоящий из шелеста, стонов, скрипов и шепота. Сесиль легла рядом с мужем, вся напряженная, настороже. К счастью, рядом пес. Он залает, если услышит что-нибудь подозрительное. У Сесили есть союзник. Против чего? Против кого? Как всё это глупо. Она закрыла глаза, но тотчас их открыла. С открытыми глазами она чувствовала себя в большей безопасности. В комнате стоял запах увядших цветов. Она попыталась определить, что это за цветы, но не смогла; мысли ее неисповедимыми путями вновь вернулись к тому, что ее мучило. После недолгого пребывания в замке придется возвращаться, снова противостоять Морису... Вот он, рядом, сопит себе беззаботно. Он вечно отсутствует, занят только собой. И при этом останется рядом... всегда рядом. С ужасающей ясностью, которая приходит только бессонными ночами, Сесиль углублялась в причины их разлада, видела свои собственные недостатки: имеет ли она право требовать от Мориса быть просто продолжением ее самой? Разве такова настоящая любовь? Коснувшись ногой мужа, она тут же отдернула ее. Лицо ее было мокрым от слез. Хорошо плакать в темноте, рядом с человеком, погруженным в забытие. Может, пока тела могут прикасаться друг к другу, соединяться, не все еще потеряно? Эта мысль испортила всё. Превратиться в животное! Никогда не задавать себе вопросов!.. Мысли постепенно путались в голове Сесили... Вот она идет лугом вдоль берега реки, бурлящей на камнях. Шум стоит как при сильном ветре. Сесиль нервно вздрогнула и проснулась. Что ее разбудило? Нет, это уже не сон. Это урчание мотора.

— Морис!

— Да?

— Ты спишь?

Рокот приближался. Машина не ехала мимо по дороге, она въезжала на главный двор.

— Не бойся, — сказал Морис.

Он зажег свет и посмотрел на свои наручные часы, лежавшие на тумбочке.

— Полтретьего... Наверное, Жюльен забыл что-нибудь.

— Не может быть! — шепнула Сесиль.

— О! Ты знаешь, от него всего можно ожидать... Пойду посмотрю.

— Морис! Не оставляй меня одну.

Она тоже поднялась, первая открыла дверь. Оба они побежали в конец коридора, где было большое окно, выходящее во двор. Машина проезжала перед флигелем Агerezов.

— А вдруг это не он? — прошептала Сесиль.

— Тогда залаяла бы собака!

Машина свернула во флигель, фары погасли.

— Он вправе возвращаться домой когда ему вздумается, — снова заговорил Морис. — Может, он передумал. Во всяком случае, завтра утром всё выяснится... Здесь холодно... Ты идешь?

Они вернулись в комнату, но Сесиль не могла уснуть. Если бы дядя Жюльен что-то забыл, он вошел бы в замок, был бы слышен шум. Но всё тихо! А если бы он уехал, был бы слышен шум мотора; может, он лег спать во флигеле, чтобы не будить их? Теперь Сесиль уже упрекала себя за то, что так легко приняла это приглашение. Дяде Жюльену, который ее даже не знает, она до сих пор чужая. Завтра она станет нежеланной гостьей. И всё из-за Мориса, которому всё трынтрава. Она всё расскажет дяде Жюльену... всё... Он ведь так и не смог утешиться после смерти жены, так что он поймет.

Наконец наступило утро. Морис никак не желал просыпаться, и это злило Сесиль. Он был зверски голоден и потратил целый час, готовя обильный завтрак. Сесиль не выдержала.

— Я хочу, чтобы ты пошел за дядей, — сказала она. — И представил ему меня. Не можем же мы сесть за стол без него.

Морис рассердился.

— Послушай, малышка, вот уже много лет Жюльен живет один. Он привык к этому и желает, чтобы его оставили в покое, а главное — не задавали вопросов. Можешь ты это вбить себе в голову? Никаких вопросов!.. Он приезжает и уезжает, когда ему вздумается, он свободен. Никто его не донимает. Не станешь же ты это делать.

Они позавтракали, не глядя друг на друга. Затем Морис закурил трубку, а Сесиль приготовила еду для собаки. Морис

сам вернулся к спору, который под различными предложениями возобновлялся вот уже два года.

— Готов поспорить, он уже уехал. Он просто поменял машину. Он всегда любил маленькие спортивные машины. Пока мы возвращались в спальню, он был уже далеко.

— Спортивную машину мы бы услышали, она ревет будь здоров.

— Согласен. Значит, он еще здесь. Ну и что?.. Если он захочет нас увидеть, он знает, где нас найти... Я съезжу в деревню купить табаку и какую-нибудь газету.

— И хлеба, — добавила Сесиль. — Побольше. Здесь есть все, кроме хлеба.

Пока Морис садился в машину, Сесиль пошла выпустить пса. При свете дня она залюбовалась крупной овчаркой с золотистыми глазами. Пес был пепельного цвета, высокий, с мощной шеей и впалым, как у борзой, животом. Он бегал перед Сесиль по кругу, подобравшись, пугая своей ловкостью и стремительностью.

— Летун, ко мне!

Сесиль подняла руку на уровень плеча. Пес разогнался, перепрыгнул через протянутую руку, бесшумно приземлился и залаял от удовольствия.

— Да ты просто чемпион, — сказала Сесиль. — Иди сюда и замолчи. Не разбуди своего хозяина!

Она повела его на кухню. Пес сожрал все быстро, он отрывался от миски всякий раз, когда Сесиль собиралась уходить. Пришлось ей остаться рядом. Затем пес проводил Сесиль до комнаты и улегся на полу, пока та убирала постель.

— Значит, большая любовь? — прошептала Сесиль, глядя пса.

Он покусывал ей запястье с осторожностью волчицы, ласкающей детеныша, клыки его сверкали; Сесиль принялась вычесывать ему шерсть... Пес глубоко вздыхал от удовольствия и лизал на лету ласкающую руку. Он вскочил, как только Сесиль отошла от него, и пошел рядом, полный решимости никогда больше с ней не расставаться. Сесиль вышла во двор.

— Будь умницей! Не шуми.

Она издали осмотрела флигель. Это был двухэтажный домик, все ставни которого были закрыты. К нему было пристроено длинное приземистое здание. Сесиль обошла заросли бересклета, чтобы рассмотреть флигель с другой стороны.

Под навесом она увидела машину дяди. В общем она и ожидала ее увидеть. Однако остановилась, испугавшись непонятно чего.

— Интересно, он там? — вполголоса спросила она у пса. — Уж ты-то должен знать!

Ей хотелось постучать в дверь, позвать. Может быть, дяде Жюльену нездоровится? Говорил ведь Морис, что у него был очень усталый вид. Флигель казался необитаемым. Сесиль подошла к машине. Она смотрела на закрытые ставни, и ей всё больше становилось не по себе. Но кто мог бы следить за ней? Она тут одна с псом, который выглядит совершенно спокойным. Она заглянула внутрь машины через заднее стекло. Никого. Только шляпа на сиденье водителя, старая нейлоновая шляпа, какую обычно носят охотники. Сесиль на цыпочках отошла, еще раз осмотрела безмолвный фасад, затем улыбнулась: пес, склонив голову набок, не отрываясь следил за каждым ее движением.

— Какая же я дура! — сказала она. — Ну разве не идиотка? Вечно напридумываю Бог знает что!

Она пошла вдоль бывших конюшен с закрытыми дверями. Эта часть строения сильно обветшала. Стены были в ржавых полосах, спускающихся от водосточных желобов. За конюшнями располагался гараж с трухлявыми воротами. Сесиль приподняла щеколду и приоткрыла одну створку двери. В гараже стоял древний экипаж с кузовом из позеленевшей кожи: коляска, в которой какая-нибудь богатая вдова некогда выезжала по воскресеньям в Леже. Кузов накренился на деформированных рессорах. Тонкий слой пыли покрывал откидной верх. Но медные фонари оказались целыми и весьма изящными. Сесиль вошла в гараж и только тогда заметила, что пса с ней нет. Вернувшись, она увидела, что он остался позади и ведет себя как-то странно. Низко опустив голову, со вздыбившейся на загривке шерстью, он описывал метрах в двадцати от гаража такой идеальный полукруг, словно невидимая преграда удерживала его на расстоянии.

— Ну что еще? — спросила Сесиль. — Что с тобой? Иди сюда!

Пес взвизгнул и попятился. Заподозрив неладное, Сесиль вошла в гараж и заглянула внутрь коляски. Там, разумеется, ничего не было. Пес вдруг словно обезумел и залаял жутко и дико. Сесиль поспешно вышла из гаража. Если дядя здесь,

что он на это скажет? Пес ходил взад и вперед вдоль таинственной линии, которую он не мог преодолеть. С опущенным хвостом и оскаленной пастью он являл собой воплощение ужаса, и Сесиль опасно обернулась, словно ее мог кто-то преследовать.

— Летун!.. Ну же... Замолчи. Ты же видишь, никого нет.

Но голос у Сесили дрожал. Она бросив взгляд на ставни флигеля.

— Тихо!.. Замолчи.

Пес успокоился, как только Сесиль пересекла некую границу. Это было настолько удивительно, что молодая женщина, когда обрела хладнокровие, захотела убедиться во всем окончательно. Она направилась к гаражу. Пес попытался удержать ее, но внезапно остановился как вкопанный. Он задрал голову и издал протяжный вой, который привел Сесиль в ужас. Она поспешила вернуться.

— Ко мне... Ко мне... Будь умницей!

Что он увидел? Что почувал? Коляска ли наводила на него страх? Всё это нелепо. Коляской не пользовались в течение десятков лет. А если не считать ее, гараж был совершенно пуст. Сесиль вернулась к замку. Пес бежал впереди нее, освободившись от всякого страха. «Его пугает коляска, — повторяла себе Сесиль, — или что-то, относящееся к ней». Но ей не удалось придумать сколько-нибудь правдоподобного объяснения. Под охраной пса она больше не чувствовала себя в безопасности, поскольку тот, несмотря на всю свою силу, находился во власти какого-то необъяснимого воздействия. К ней вернулись ночные страхи. Если дядя Жюльен так внезапно покинул замок, то не потому ли, что странное нечто, так пугавшее пса, сделало его непригодным для жилья? Чем больше она думала об этом, тем больше убеждалась в том, что дядя, поставив машину на место, уехал на другой. Он сбежал. Причины, которые он изложил Морису, — лишь повод для бегства. Настоящую, единственную причину он утаил. И Сесиль вдруг осознала, что и другие уголки имения могут быть столь же подозрительными и что «воздействие» может встретиться где-нибудь в другом месте.

При всей своей впечатлительности Сесиль была смелой женщиной. Прежде всего она заставила себя обойти с собакой все комнаты замка. Она открывала комнаты и быстро осматривала буфеты, серванты, старые ковры... Пес всюду

спокойно поджидал ее. Она обнаружила комнату дяди Жюльена, настоящую комнату холостяка, где царил беспорядок. На небольшом письменном столе валялись трубки. Да, дядя явно очень торопился уехать. Пес ждал, сидя в коридоре, а когда встречался взглядом с Сесиль, вилял хвостом. Сесиль обшарила все. Оставался лишь парк. Она вышла из заднего крыльца дома, но пойти дальше не осмеливалась. Деревья были такими большими, их листва — такой густой, а мрак в леске — таким непроницаемым, что ее решимость поколебалась. Она вернулась и села на ступеньку крыльца на солнышке. Пес улегся рядом с ней, уткнув морду между лапами.

Морис, вернувшись, нашел ее на этом месте; она сидела скрючившись, словно нищенка, лицо ее было искажено тревогой.

— Что это ты тут делаешь?

— Нам надо уехать отсюда, — прошептала она.

— Уехать... Когда здесь так здорово! Местность премилая, ты увидишь... Что касается людей, то я с тобой согласен и понимаю, почему Жюльен бежал от них как от чумы... Если б ты только видела взгляд исподлобья, каким наградила меня булочник!.. Что же касается старушки из табачного киоска, та просто-напросто не вымолвила ни слова... Они, должно быть, видят во мне представителя рода Меденаков, родственника «узурпатора»... Может быть даже, Агерезы наговорили им... Но нам-то до них какое дело!..

— Нам надо уехать отсюда, Морис.

— Да что с тобой, наконец?

— Идем. Я хочу показать тебе кое-что.

Она взяла его за руку и повела к гаражу. Пес бежал за ними. В двадцати метрах от строения Сесиль отпустила руку мужа.

— Смотри.

Она направилась одна к настежь открытой двери. Пес пошел рядом с ней, но внезапно остановился и оскалился, словно перед лицом невидимой опасности. Затем он отскочил назад и протяжно залаял. Челюсти его клацнули. Шерсть на загривке вздыбилась. Сесиль повернулась к Морису.

— Видел? Он боится. Думаю, если бы мы попытались втащить его в гараж, он разорвал бы нас на кусочки.

— А что там, в гараже?

— Старая коляска. И больше ничего.

Морис в свою очередь сделал несколько шагов по направлению к двери. Пес словно обезумел. Он крутился на месте, выл, из пасти его от ярости бежала пена.

— Прекрати, — закричала Сесиль. — Ты доведешь его до бешенства.

Морис развел руками.

— Не понимаю... Барбос просто спятил.

— Да нет же. Он знает что-то, чего не знаем мы... И твой дядя тоже это знает... Вот почему он уехал.

Морис был ошеломлен.

— Мой дядя знает?.. — Он рассмеялся. — Моя бедная Сесиль, тебя определенно нельзя оставить одну даже на час... Что еще ты вбила себе в голову? Уверяю тебя, Жюльен выглядел очень неплохо. Правда, он был усталым. И ужасно худым. Он чертовски постарел. Но и только...

— Тогда объясни.

— Что тебе объяснить? Когда у тебя нервный припадок, это разве можно объяснить?

Сесиль чуть было не ответила, что как раз это-то очень легко объяснить. Она предпочла промолчать и увела пса в пристройку, которая служила ему конурой. У нее появилась идея, и ей не терпелось ее проверить. Ей хотелось остаться одной, но от Мориса не так-то легко было отделаться.

— У меня не было времени все досконально осмотреть в гараже, — сказала она. — Если бы мы хорошенько искали, может, и поняли бы, чего Летун так боится... И мне было бы спокойнее на душе.

Они вошли в гараж, сделали несколько кругов вокруг коляски, двери которой разбухли от влажности и не открывались.

— Фонари очень красивые, — заметил Морис. — Может быть, дядя расщедрится и подарит их нам. Они бы замечательно смотрелись в мастерской...

Сесиль осматривала пол.

— Я ожидала найти здесь люк, — сказала она.

— И что бы от этого изменилось?

— Не знаю. Кто-нибудь мог бы там прятаться.

— Собака тут же обнаружила бы его, можешь быть уверена. Нет, всё это не то. Поверь мне. Не стоит ломать себе голову. Когда Жюльен вернется, он объяснит нам эту тайну, если, конечно, она существует.

— Ладно, — сказала Сесиль. — Только я хотела бы обойти парк с Летуном.

Они обследовали каждую тропинку, каждый куст. Пес весело резвился. Он совершенно забыл свои страхи, и Сесиль, шагая рядом с успокоившимся и переполненным различными планами Морисом, начала втайне посмеиваться над собой. Однако с наступлением вечера ее вновь охватила тревога. Напрасно Сесиль сопротивлялась, твердя себе, что она стала жертвой собственного воображения: она вздрагивала при малейшем шорохе. И злилась на Мориса за его невозмутимость. Он ничего не чувствовал. Он не понимал, что во всем этом все-таки что-то есть... Миазмы... Вредные испарения... Она знала об этом куда меньше, чем овчарка, но страх не мог обмануть.

Она провела ужасную ночь. Прозрачный лунный свет, каким он бывает в сентябре, оживлял тени и поддерживал природу в бодрствовании. Она не сомневалась, что очень многие звери настороже. Иногда тень крыла падала на шторы, а из парка доносились загадочные крики. А ведь ближайший дом — в двух километрах от замка.

Морис проснулся в восемь часов. Он зевнул, потянулся.

— С ума сойти, сколько можно здесь дрыхнуть. Мне это было просто необходимо. А тебе?

— Уедем отсюда, Морис.

Она прошептала это так тихо, что ему показалось, что он ее не понял.

— Я сказала: уедем отсюда, — повторила Сесиль. — Я лично уеду, даже если ты решишь остаться...

— Слушай, не заводись! — предупредил ее Морис. — Здесь так здорово. Я смогу работать. Что тебе еще надо?

— Мне здесь страшно.

— Страшно? Из-за какого-то глупого барбоса? Я запру его, и делу конец.

— Ты забываешь, что мы приехали сюда как раз из-за него.

Морис пробормотал что-то и встал с кровати в сильном раздражении. Начался новый день. К полудню пошел дождь, затяжной косой дождь, и его шелест оживлял двор и наполнял его чьим-то незримым присутствием. Морис нашел предлог, чтобы отправиться на машине в деревню; Сесиль уселась на кухне этакой старушкой, вслушиваясь в тайную жизнь замка под дождем. Станные мысли приходили ей на ум, и ей становилось жаль дядю Жюльена, этого отшельника. Морис называл

его оригиналом. Может быть, он немного сумасшедший. Она сама уже не знала, что есть реальность, а что нет. Когда она выходила из кухни, ей казалось, что ее подстерегает холодная пустота залов, высматривающая пустыми взглядами бесчисленных портретов. К счастью, рядом был Летун, спокойный, внимательный, обожающий. Сесиль понимала, почему дядя не захотел оставить его одного. Ей начинал нравиться Жюльен — за то, что он так любит это свирепое и ласковое животное. Но тогда получается, что дядя Жюльен не сбежал накануне, как ей до сих пор казалось. Нет, конечно. Ведь он специально съездил в Париж и даже дал денег Морису; почему она вообразила себе, что...? Существует ли связь между отъездом дяди и страхом пса? Разумеется, никакой... Сесиль уже ничего не понимала. Она смотрела на игры ветра с дождем. Временами потоки дождя, закружившись в быстром порыве ветра, принимали любопытные формы и походили на силуэты. Словно привидения из тумана и водяных капель, они танцуя пересекали двор. Когда Морис вернулся, она сразу поняла, что он выпил. Обед был унылым. Время до вечера тянулось невыносимо долго. Морис упорно молчал. Сесиль уже привыкла к его капризному характеру.

Ночью сильный ветер с запада расчистил небо, и утром жизнь вдруг показалась прекрасной. У Мориса появилось желание поработать. Он устроился в большой гостиной в окружении маркиз и генералов. Сесиль в сопровождении бежавшей впереди собаки решила выйти за пределы усадьбы, пособирала ежевику и вернулась тропинкой, что вилась за флигелем. «Бьюик» стоял на том же месте. Ставни были по-прежнему закрыты. Летун обогнул флигель торопливой трусцой по большому кругу — он испытывал всё тот же страх. Сесиль ускорила шаг. Зародившаяся было веселость улетучилась, но она не решалась побеспокоить Мориса, который, заложив угольный карандаш за ухо и поставив бутылку белого вина так, чтобы ее можно было достать рукой, что-то напевал. А у нее никак не шел из головы флигель с закрытыми ставнями. В конце концов, это не ее дело. Это касается лишь дяди и племянника. Она же находится в замке лишь в качестве приглашенной. Сесиль попыталась отвлечься от всего, прогнать от себя то смутное беспокойство, которое изматывало ее, как изматывает небольшая температура. «Я на отдыхе», — повторяла она себе. Или доверительно шептала псу: «Нам с тобой никто не нужен. Не прав-

да ли, нам очень хорошо вместе?» Пес дышал чаще, из глотки его поднимался парок. Сесиль обнимала его, затем отворачивалась, потому что у нее на глазах были слезы.

Вскоре она потеряла счет дням. Она уже не помнила, когда они приехали, до такой степени каждый день был похож на предыдущие. Она жила в замедленном темпе, ведя животный образ жизни. Ела, боялась, спала. И вдруг, неожиданно, стремление уехать вновь овладело ею. Она снова подступилась к Морису.

— Так больше не может продолжаться, — сказала она. — Если мы хотя бы знали, когда твой дядя вернется! Так нет же. Даже открытки не прислал. Тебе-то на это наплевать. Меня же это молчание убивает. А если он не уехал?

— Что?

— Представь себе, что он заболел... здесь... в тот вечер, когда вернулся. С ним мог случиться сердечный приступ... Может быть, он умер. Эта мысль преследует меня... Но тебя я не понимаю... Лишь бы тебя не беспокоили... И больше тебя ничего не трогает.

Морис зажег трубку. Впервые он выглядел озабоченным.

— Ты так считаешь? Я об этом просто не подумал. У меня почти появилось желание пойти посмотреть.

— Тебе следует это сделать.

Морис еще некоторое время пребывал в нерешительности. Он никогда не был способен на быстрые решения, если речь шла не об удовольствии. Наконец он встал.

— Ты идешь со мной?

— Конечно.

— Только запри собаку. Мне надоела ее комедия.

Летун спал под столом. Сесиль тихонько закрыла дверь. Они обошли флигель.

— Невозможно войти, — сказал Морис. — Всё заперто. Придется взломать ставни.

Он открыл багажник «бьюика» и взял оттуда монтировку. Сесиль с замиранием сердца следила за его движениями. На проводах сидели ласточки. Они щебетали, перепархивали с места на место, готовясь к длительному перелету, и их крики, холодное осеннее солнце делали сцену невыносимой. Морис выбрал неплотно прилегающие друг к другу ставни, вставил в щель монтировку, налег на нее. Дерево раскололось с сухим треском. Птицы разлетелись. Морис оторвал сломанный

ставень, внутренний крючок и добрался до окна. Кончиками пальцев от вытер стекло и тут же отпрянул.

— Не подходи, — прошептал он.

Картина смерти не пугала Сесиль. Она прильнула лбом к стеклу и увидела повешенного. Он провисел здесь в течение многих дней, как старый хлам на гвозде, бесконечно жалкий. Морис отвел Сесиль в сторону, разбил окно. Он открыл раму и запрыгнул в комнату.

— Уходи, — сказал он, устремив глаза на лицо, сведенное судорогой. — Ты ничем не можешь мне помочь.

— На столе лежит лист бумаги, — сказала Сесиль дрожащим голосом. Морис взял его и медленно прочел:

«Я обречен. Я узнал об этом позавчера. Рак крови. Меня ждет несколько месяцев страданий и унижений. Я предпочитаю покончить с этим немедленно и достойно.

19 сентября. Три часа утра.

Жюльен Меденак»

Сесиль смотрела на черный силуэт, на опрокинутый стул, на сведенные судорогой руки со странно желтыми пальцами.

— Мне жаль его от всего сердца, — прошептала она.

— Да, бедный старина Жюльен, — сказал Морис. — Я редко виделся с ним, но это меня просто потрясло. Теперь я понимаю, почему он уволил прислугу и так настаивал, чтобы мы приехали как можно быстрее. Он хотел умереть у себя дома. А я ни о чем не догадался... Я считал, что он где-то в Италии или Испании.

Он положил записку на стол, рядом с ручкой дяди, открыл дверь и увел Сесиль.

— Я поеду в деревню за полицией... Еще нужно дать телеграмму Франсису де Форланжу. Ведь это он наследник всего этого добра. Кажется, он живет в Ницце... Остальные Форланжи не живут во Франции, кроме того, они все в ссоре с Жюльеном... Я сожалею о том, что привез тебя сюда... Но я даже предположить не мог...

Они вернулись к замку, и Сесиль села в машину, пока Морис бегом взбегал по лестнице. Вскоре он вернулся.

— Блокнот с адресами оказался в ящике письменного стола, — сказал он. — Форланж действительно живет в Ницце, на бульваре Виктора Гюго, дом двадцать четыре. Жюльен когда-то давно рассказывал мне об этом Франсисе... Он испыты-

вал к нему симпатию. Тоже чудак. Большой любитель лошадей, холостяк, скитается по гостиницам, то там, то здесь... Кажется, я даже встречался с ним — правда, очень давно.

Машина тронулась с места, и пес, закрытый на кухне, громко залаял.

— Он думает, что я его бросила, — сказала Сесиль.

— Не собираешься же ты взять его к себе!

— Вот именно... Ведь твой дядя как раз этого и хотел.

— Да... Ладно, мы еще поговорим об этом.

Они замолчали, чувствуя, что иначе ссора неизбежна. По тому, как Морис захлопнул дверцу, после того как остановился у жандармерии, Сесиль поняла, что легко он не сдастся. Но на этот раз она решила стоять на своем. Они отправились на почту, где Морис послал телеграмму, затем — к нотариусу. И все это время одна мысль неотступно преследовала Сесиль: пес *знал*... Но что он знал?.. Даже если он видел, как его хозяин берет веревку в гараже, он все равно не мог понять, для чего ему понадобилась эта веревка... Нет, Летун видел что-то другое. Может, он присутствовал при этой сцене? Может, дядя покончил с собой в гараже?.. Но тогда кто перенес тело? И зачем было прятать его во флигеле?.. А вдруг дядю убили? И Летун видел убийцу?.. Но всё это просто невозможно. По одной простой причине: в ту ночь, когда дядя умер, Летун был заперт в своей конуре.

Очень краткое расследование окончательно убедило Сесиль, что она заблуждалась. Письмо действительно было написано рукой дяди Жюльена. Почерк, весьма характерный, был идентичен почерку документов, найденных в письменном столе. Вскрытие трупа подтвердило, что несчастный был болен раком и болезнь быстро прогрессировала. Таким образом, самоубийство было очевидным, бесспорным. Но Сесиль всё это не успокаивало.

В течение двух недель она бесцельно бродила по парку и вокруг гаража. Там была какая-то тайна... и эта тайна была связана главным образом с коляской, поскольку, понаблюдав за собакой, она убедилась, что Летун буквально неистовствовал, стоило ей протянуть руку к старому экипажу. Его приводило в ярость не то, что входят в гараж, а что направляются к коляске. Всё это было настолько непонятно, что Сесиль содрогалась от ужаса. Ведь между собакой и коляской не было ничего общего, никакой связи. И тем не менее, когда она

брала в ладони голову встревоженного Летуна и смотрела в его золотистые пронизательные глаза, глядевшие на нее отчаяннее, чем мог бы смотреть человек, у нее было чувство, что эти глаза хотят поведать ей нечто, и это виденное ими нечто могла бы увидеть и она. Но она видела лишь коляску, уже много лет отданную во власть паукам и пыли.

Нотариус явился в замок в сопровождении своего клерка. Он пришел проверить наличие указанного в списке имущества, и Морис попросил Сесиль сопровождать его.

— Это просто отвратительно, — сказала Сесиль. — Дядя Жюльен не был вором.

— Но это законно, — сухо поправил ее мэтр Пеке. — Господин Жюльен Меденак лишь пользовался чужим имуществом. Возможно, мой предшественник, мэтр Фаже, принял бы другое решение. Но я здесь совсем недавно. Я должен делать всё по правилам. В провинции слухи распространяются быстро.

И начался медленный осмотр, комната за комнатой.

— Сундук в стиле «ренессанс»... так... Два кресла в стиле Людовика Шестнадцатого... так...

Все это было мерзко и утомительно. Сесиль легла спать не поужинав и проснулась с головной болью. В девять часов к крыльцу подъехала «дофина»: вернулись нотариус с клерком.

— Займись ими, — сказал Морис. — Я заскочу в деревню, а затем сменю тебя.

Он уже открывал дверцу своего «рено», когда по аллее к замку на полном ходу подкатил серый автомобиль.

— Франсис! — воскликнул Морис.

Запыленный «МГ» остановился у ступенек. Пятидесятилетний мужчина, элегантный и прекрасно выглядящий, вышел из нее и направился к Морису, протягивая руку для пожатия.

— Спасибо за телеграмму... Бедный Жюльен! Я глубоко опечален. Я очень уважал его.

— Познакомьтесь... Мэтр Пеке и его клерк...

Франсис поклонился. У него было красивое лицо, четкий профиль, голубые глаза и великолепные манеры.

— Он в своей комнате? — спросил он.

— Нет, — ответил Морис. — Его увезли в деревню. Он покончил с собой.

— Ах! Скажите, пожалуйста... Жюльен... Ведь он так любил жизнь!

— У него был рак, — уточнил Морис. — Это и объясняет его поступок.

— Боюсь, мадам, — продолжал Франсис, — что вы увезете слишком плохие воспоминания об этом жилище... Но с этой минуты вы — мои гости. Отдыхайте и предоставьте все неприятные хлопоты мне.

— Да всё уже закончено, — сказал Морис. — Похороны состоятся завтра.

Как только Франсис вступил на первую ступеньку лестницы, раздалось рычание, которое заставило обернуться мэтра Пеке и его клерка. Сесиль поспешила вперед.

— Это Летун... Он не злой.

Пес стоял на верху лестницы. Он внезапно отступил, словно для разбега, и глухое, непрерывное, похожее на хрип рычание вырвалось у него из груди.

— Глупый пес, — сказал Морис. — Он обожает мою жену. А меня терпеть не может... Ты его хорошенько держишь?

— Да, — ответила Сесиль. — Я уведу его. Так будет лучше. Она потащила собаку на другой конец крыльца.

— Красивое животное, — хладнокровно заметил Франсис. — Надеюсь, через несколько дней мы подружимся.

В этом он ошибся.

Прошла неделя. Состоялись похороны — унылые, без священника (местное духовенство так и осталось непреклонным, несмотря ни на какие уговоры) и без траурной процессии: даже смерть не примирила жителей деревни с покойным. Сесили всё это было так не по нутру, что она захотела немедленно вернуться в Париж. Франсис удержал ее силой своего обаяния. Она никогда еще не встречала такого обворожительного, любезного и деликатного мужчину. Он был великолепным хозяином дома, очень внимательным и в то же время простым — настоящей знатный вельможа. Сесиль была покорена. Она делала всё возможное, чтобы смягчить неуступчивый нрав Летуна. Лучшим средством представлялись ей совместные прогулки. Когда она шла гулять с Франсисом, пес соглашался сопровождать их. Но от Франсиса он держался на почтительном расстоянии... На том же расстоянии, что и от коляски. Как будто Франсис вызывал у него те же чувства. Франсис ничего не замечал. Он мило болтал, рассказывал о своем детстве, чудесных каникулах, которые он проводил в замке. Иногда он смеялся как мальчишка, брал Сесиль под

руку. Пес следовал за ними в десятке метров, держась всегда стороны той, что стала его хозяйкой.

— Но иногда вы выбирались из владения? — спрашивала Сесиль.

— Нет. Я жил как дикарь. Вздвирался на деревья и читал приключенческие романы... Строил шалаши в глубине парка.

— А по воскресеньям вы все отправлялись в Леже на коляске?

— На коляске?.. Что за странная мысль!

— Вы никогда не ездили на коляске?

— Да ведь это музейная рухлядь. Когда-то давно на ней выезжала герцогиня де Берри, и с тех пор она здесь так и осталась.

Новый повод для раздумий. Герцогиня де Берри! «Эта собака сведет меня с ума», — думала Сесиль. И, чтобы отвлечься от мучивших ее мыслей, позволяла Франсису ухаживать за собой. Морису же не нравилось жить в замке, и он всячески показывал это.

Однажды вечером за десертом Франсис сказал им:

— Если я найду покупателя, то продам это владение. Я привык вести кочевой образ жизни, и этот замок обременителен для меня. Хотите доставить мне удовольствие? Возьмите себе что-нибудь, что вам понравилось... Мебель... ковры... Я ваш должник.

Сесиль поняла, что муж поддастся соблазну и унизит их обоих. Она опередила его:

— Спасибо. Вы знаете, Морису очень понравились фонари на старой коляске... Подарите их ему.

Франсис не смог скрыть удивления, но лишь поднес руку Сесили к губам.

— Вы очаровательны, Сесиль... Стало быть, я остаюсь вашим должником. Ничто не доставило бы мне такое удовольствие.

Именно в этот вечер Морис решил уехать из замка.

— Мне все это осточертело, — сказал он жене, как только они вошли в спальню. — Он заигрывает с тобой, честное слово. А ты восхищена и очарована им. Сразу видно, что ты его плохо знаешь! Ну посмотри на него. Он же бабник. Это очевидно.

— Не будешь же ты упрекать меня...

— Я ни в чем тебя не упрекаю. Пока еще нет!.. Я лишь говорю, что мы уезжаем, вот и все. Завтра же.

- Это будет некрасиво с нашей стороны.
- Ладно, послезавтра. Я найду какой-нибудь предлог.
- Я возьму с собой собаку.
- Собака останется здесь.
- Собака поедет со мной.
- Тогда я уеду один.

И Морис пошел спать в комнату для гостей.

На следующее утро Сесиль встала рано, изнуренная бессонной ночью. Она отправилась с собакой на длительную прогулку. Что делать? Она никогда не оставит Летуна. Но когда Морис упрямылся всерьез, он до конца настаивал на самом нелепом решении. Если бы она была уверена, совершенно точно уверена, что больше его не любит! Безусловно, она испытывает все большее отвращение к его манерам, отсутствию такта, хвастовству. Но в глубине души?.. Что это значит — в глубине души? Не там ли скрывается малодушие?

Пес рылся в кустах и краешком глаза следил, идет ли Сесиль за ним. Сесиль шла медленно. Через несколько часов ей предстояло сделать выбор, но она еще не знала, какое решение примет будущая, не знакомая ей Сесиль. По дороге она встретила почтальона, который, проходя мимо, поздоровался с ней, затем вернулся.

— У меня есть кое-что для господина Меденака,— сказал он.

— Давайте сюда.

Это была телеграмма. Крупным почерком поперек голубого листа было написано: *«Выехал, не оставив адреса»*. Адрес прыгал перед глазами Сесили: *«Франсис де Форланж, 24-бис, бульвар Виктора Гюго, Ницца»*.

Она ничего не понимала. Она все еще не хотела ничего понимать. Но внутренний голос шептал ей: «Все ясно! Франсис никогда не получал этой телеграммы... И когда он благодарил Мориса, он лгал... Лгал... Он приехал сам... Он уже всё знал...»

Сесиль прислонилась к стволу бука. У нее кружилась голова. Она забыла всё, о чем только что догадывалась. О чем Франсис уже знал?.. О чем он заранее договорился с Морисом?.. Нет! Только не Франсис!.. Он не способен на подлость. Морис — да. Но не Франсис!

Она вернулась в парк. Нет, она точно заболит... Морис и Франсис обсуждали что-то у крыльца.

— Нет, и не просите, — сказал Морис и пошел по направлению к флигелю.

— Сесиль, — позвал Франсис. — Вы действительно хотите уехать? Вам здесь не нравится?

Он улыбался, намекая на тысячу приятных вещей, и Сесиль медленно комкала в кармане телеграмму, призывая всю свою волю, чтобы не расплакаться. Так это правда? Незаметно для себя она влюбилась в него... потому что он кажется внимательным, искренним, потому что он совсем не похож на Мориса, а теперь...

— Ну взгляните же на меня, Сесиль.

Она опустила голову и побежала догонять мужа. Пес прыгал перед ней, думая, что она хочет поиграть.

— Сесиль!

Ее пронзило какое-то ужасное предчувствие. Голос Франсиса привел ее в ужас. Она остановилась, запыхавшись. Морис мыл свой «рено» около конюшен. Он выпрямился, держа в руках мокрую губку.

— Прости, что я был резок вчера вечером, — сказал он. — Если уж ты так дорожишь этой собакой...

Сесиль протянула ему телеграмму.

— Что это?

— Читай.

Он уже прочел. Бросил губку в ведро и вытер руки носовым платком.

— Тем хуже для нас, — сказал он наконец. — Я об этом просто не подумал.

— Может быть, ты все-таки объяснишь мне?

— Прежде всего, я прошу тебя не говорить со мной в таком тоне. Знаешь, в сущности, в этом нет ничего дурного... Если я скрывал от тебя правду, так это по просьбе Жюльена. Я считал, что тебя нужно было ввести в курс дела. Но он об этом и слышать не хотел.

Овчарка смотрела на Мориса, сидя около машины. Он отвел Сесиль к гаражу, как будто боялся, что животное услышит его.

— Поставь себя на место Жюльена, — продолжал он. — Живет человек как пария в замке, который стоит многие миллионы, и не может обосноваться ни в каком другом месте, потому что у него нет денег.

— Нет денег?

— Ну конечно! Тому, кто пользуется чужим имуществом, деньги достаются небольшие. Их хватает лишь на то, чтобы

время от времени позволить себе маленькое путешествие... Ну, ты понимаешь, всё это стало бесить Жюльена... Одна лишь мысль занимала его: уехать... обосноваться где-нибудь за границей, очень далеко, раз и навсегда...

— Но... а Франсис?

— Что — Франсис?

— Почему он так быстро приехал?

Морис стал набивать трубку, чтобы не потерять самообладания.

— Наверное, мне не стоило бы тебе все это рассказывать, — заговорил он. — Я вижу, ты ничего не поняла. Франсис де Форланж умер... Да, настоящий Франсис повесился. Он мог, конечно, покончить с собой и в Ницце, поскольку давно знал, что обречен. Так нет же, он пожелал сделать это здесь. Не спрашивай меня почему. По словам Жюльена, это был жалкий тип, который всю жизнь сожалел об утраченном детстве. Он провел в замке свои первые годы, и, кажется, это были единственные счастливые годы в его жизни. Конечно, я рассказываю в самых общих чертах... Короче, Жюльен понял, какую выгоду он сможет извлечь из этой смерти, если поторопится. В деревне ни того, ни другого практически не знали; старый нотариус графини передал свою должность другому. Агерезы уже давно жаждали вернуться к себе в Испанию. Жюльену оставалось только отпустить их... Что касается удостоверения личности, то его он подделывал уже не раз во время оккупации. Так что с этой стороны не было никаких проблем... Что еще ему было нужно?

— Ему был нужен сообщник, — сказала Сесиль, — то есть ты.

— Нет. Честный свидетель, то есть ты.

— Как вы мне омерзительны, — проговорила Сесиль.

— Прошу тебя. Постарайся понять. В сущности, Жюльен лишь вернул себе наследство, которое принадлежало ему по праву. Ведь он был мужем, не так ли?

— А что было потом?

— Жюльен переписал небольшое письмо, которое оставил Франсис, изменив лишь дату. Затем он приехал ко мне, чтобы ввести в курс дела. Я был должен ему. Мне трудно было отказать. Моя роль сводилась к такому пустяку! Опознать покойника... Признать живого... Даже меньше того: просто промолчать. А ты одним своим присутствием обеспечивала самые надежные гарантии. Ну кто бы мог подумать, что ты не

знаешь ни Жюльена, ни Франсиса?.. Наконец, ты была свидетелем возвращения дяди на машине в ночь нашего приезда... Я знаю, мы виноваты, что обманывали тебя таким образом. Признаю, что это некрасиво... Но у нас не было выбора.

— А если бы я уснула? Если бы не слышала, как вернулась машина?

— Но я-то не спал. Я бы разбудил тебя.

— А твой дядя — что он сделал, после того как вернулся сюда?

— Ну, он докатил своим ходом до дороги малолитражку, «МГ», на которой приехал его родственник, и уехал на ней.

— Вы действительно всё предусмотрели.

— Еще бы, — уверенно сказал Морис.

— Всё это тебя забавляло?

— Да, немного. Мы подсчитали, после какого периода времени я мог обнаружить тело во флигеле. Рано или поздно наступает момент, когда становится просто невозможно точно установить дату смерти. Затем я дал телеграмму, чтобы окончательно сбить тебя с толку, так как дата приезда «кузена Франсиса» была также назначена заранее.

Каждое слово Мориса изобличало новую ложь, новую махинацию. Сесиль уже не возмущалась. Напротив, у нее было такое чувство, что это путь к избавлению. Так вот каков Морис, ничтожный инфантильный человек.

— Теперь ты знаешь всё, — сказал он.

Она отвернулась, увидела пса и вновь посмотрела на мужа.

— Как получилось, что он не узнал своего хозяина? — спросила Сесиль. — Меня вы легко обманули. Но его?

Морис стоял в нерешительности.

— Теперь, — заметила Сесиль, — я могу выслушать все что угодно.

— Это также было необходимо, — пробормотал Морис. — С одной стороны, Жюльен нуждался в нас как в свидетелях. Но с другой стороны, ему было необходимо, чтобы собака также свидетельствовала в его пользу и все могли убедиться, что человек, приехавший из Ниццы, ей совершенно не знаком... Это было для него самым главным... Тогда...

— Я догадываюсь, — сказала Сесиль, холодея от ужаса.

— Да... Он был вынужден ее избить... в гараже... кнутом из коляски... Так избить, чтобы при одном его виде Летун цепенел от страха.

— Коляска... кнут... да, теперь я понимаю... я все понимаю. Это ужасно!.. Я бы предпочла... чтобы он убил своего кузена.

— Заметь, что...

— Заткнись... Вы отвратительны, оба... И он — еще больше, чем ты...

Послышались шаги. Это был Жюльен.

— Я подумал, что вы забудете о главном, — сказал он.

Его голубые глаза улыбались и искали взгляд Сесили. Никогда еще он не казался столь доброжелательным и так не старался понравиться. Морис в сердцах отвернулся и стал копать в кисете.

— Вы просили у меня фонари. Забирайте их. Я на этом настаиваю.

Он открыл дверь гаража, быстрым шагом подошел к старой коляске и протянул руку к сиденью, задев кнут.

— Летун! — приказала Сесиль.

Морис был занят раскуриванием трубки и поднял глаза лишь услышав звук падающего тела. Все закончилось раньше, чем спичка обожгла ему пальцы. Летун вонзил клыки хозяину в горло. Жюльен упал на спину. Рыча по-волчьи, пес неистовствовал, и голова мертвеца болталась как клубок тряпья. Наконец Летун поднял вымазанную в крови морду. Сесиль пошла прочь. Он догнал ее в несколько прыжков и послушно побежал рядом. Сесиль достигла ограды, вышла за нее.

Летун носился вокруг нее, радостно лая.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия (<i>соавторы друг о друге</i>)	
<i>Перевод Кс. Алексашиной</i>	5
ВОРОЖБА. Роман	
<i>Перевод Вал. Орлова и М. Кожевниковой</i>	11
БЕЛАЯ ГОРЯЧКА. Повесть	
<i>Перевод Вал. Орлова</i>	157
В ОЧАРОВАННОМ ЛЕСУ. Повесть	
<i>Перевод Е. Кожевниковой</i>	247
ПЕС. Рассказ	
<i>Перевод Св. Петровой</i>	303

Буало-Нарсежак
СОЧИНЕНИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Т О М 1

Редакторы *В. Орлов, М. Кожеевникова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *В. Плотников*
Оператор верстки *В. Гаркуша*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 04.07.96 г.
Уч.-изд. л. 19,05. Цена 19 200 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1,
а/я 27.

